

⁹ Рыжаков, А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации от 22 ноября 2001 года. — М.: НОРМА, 2002. — С. 373. Мнение автора также поддержал прокурор Советского района г. Новосибирска Власов А.: Власов, А. Указ. соч. — С. 34.

¹⁰ Чухонцев, С. Практика надзора за рассмотрением сообщений о преступлениях / С. Чухонцев // Законность. — 2006. — № 3. — С. 32.

¹¹ Петрухин, И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. — Ч. I / И.Л. Петрухин; — М.: ТК «Велби», 2004. — С. 75.

¹² Гаврилов, Б. Указ. соч. — С. 8.

¹³ Багаутдинов, Ф. Указ. соч. — С. 43.

¹⁴ Например, имеют место случаи, когда прокуроры выносят постановления об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела «в связи с истечением срока проведения проверки по заявлению о совершении преступления».

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 9. — С. 17-18.

¹⁶ Гаврилов, Б. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела — соответствует ли он правовым реалиям и правоприменительной практике? / Б. Гаврилов // Российская юстиция. — 2006. — № 8. — С. 50; Скобликов, П.А. Указ. соч. — С. 34; Безлепкин, Б.Т. Указ. соч. — С. 205; Кравчук, А. Изменения в УПК РФ внесены — проблемы остались / А. Кравчук, Л. Кравчук, И. Ретюнских // Российская юстиция. — 2003. — № 12. — С. 21; Хитрова, О.В. Начало уголовного преследования / О.В. Хитрова // Проблемы права и социологии: Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 3. — Волгоград, 2002. — С. 39-41 и другие.

*А.К. Утарбаев**

ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИЗБРАНИЕМ АРЕСТА ИЛИ ДАЧЕЙ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обращению следователя с ходатайством в суд об избрании ареста или производстве следственных действий, принятию судьей окончательного решения по этим ходатайствам предшествует деятельность этих субъектов по проверке и оценке данных, указывающих на необходимость производства процессуальных действий. «Познание в уголовном судо-

* © Утарбаев А.К., 2007

Утарбаев Артур Кожикеевич — ассистент, аспирант, Самарский государственный университет

производстве, как и во всякой целенаправленной деятельности, служит предпосылкой принятия соответствующих решений»¹, поэтому на всем его протяжении осуществляется самоотчет субъекта о целях, мотивах и результатах деятельности. Этот самоотчет невозможен без привлечения понятий «внутреннее убеждение», «предположение», «вера», «сомнение» и других, участвующих в регуляции деятельности субъектов, ее содержания и направленности.

Категория «внутреннее убеждение» является одной из важных в теории познания, а выражаемый ею феномен убеждения — в познавательной деятельности². При рассмотрении понятия «внутреннее убеждение» в его содержании, как правило, выделяют несколько аспектов — гносеологический, логический и психологический³. Первый связан с качеством принятой за убеждение и выраженной в процессуальном решении информации (вывод субъекта оценки — он может быть истинным или ложным): она объективна, независима от воли и желаний субъекта оценки. Второй связан с объективной обоснованностью этой информации, осознанием этой обоснованности субъектом оценки⁴ или принятием ее без обоснования. Третий включает в себя ценностное и волевое отношение субъекта к этой информации.

Будучи необходимой предпосылкой формирования убеждения судьи, выраженный в ходатайстве вывод следователя о необходимости производства процессуальных действий сам по себе определяет лишь познавательную сторону дела — наличие той или иной информации об обстоятельствах дела. Такая информация (это и есть убеждение следователя), разумеется, автоматически не становится убеждением судьи. С точки зрения суда, на момент обращения следователя с ходатайством в суд это ходатайство нельзя назвать объективно обоснованным, хотя следователь считает его таковым. «Установленный законом принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению свидетельствует о том, что в силу субъективного характера оценочной деятельности (оценка доказательств по внутреннему убеждению) ее результат не может предрешать или влиять на оценку доказательств другими лицами. Для них предшествующая оценка не может носить ни предварительного, ни окончательного характера, их оценка доказательств является следствием их убеждения»⁵. Необходимо, чтобы поданное следователем ходатайство был обосновано им, это обоснование было осознано судьей и принято им, согласовано с его ценностными установками⁶, и только тогда, подключая эмоционально-волевую сферу, судья принимает решение.

При разрешении конкретной ситуации, связанной с избранием ареста или дачей разрешения на производство следственных действий, она

предстает перед судьей не только в материальном виде (*фрагмент внешней действительности*), но и в виде идеального образа, объективного по своему источнику (он являет собой отражение внешней действительности), но субъективного по форме (*фрагмент сознания*). Это связано с тем, что, проверяя законность и обоснованность представленного ходатайства, судья испытывает двойную детерминацию: внешнюю, обусловленную имеющейся доказательственной информацией, и внутреннюю, обусловленную ценностными установками (потребности и интересы, личные качества) судьи. Фрагмент сознания всегда в каком-то отношении беднее отображаемого им фрагмента внешней действительности, поскольку первый улавливает далеко не все богатство последнего. С другой стороны, поскольку сознание человека не только отображает действительность, но и творит ее, постольку субъект нередко привносит в идеальные образы ситуации такие элементы, для которых нет корреляторов в отображаемой действительности. Эта нетождественность идеального образа ситуации и отображаемой внешней действительности естественным образом сказывается на процессе обоснования избрания ареста и производства следственных действий и в конечном счете на формировании убеждения судьи. Идеальный образ ситуации сочетает ценностные и познавательные характеристики представленной в обоснование ходатайства информации при определяющей и организующей роли первых и подчиненной функции вторых. Этот образ всегда связан с оценкой содержания представленной информации на адекватность ценностным установкам судьи, а познавательные характеристики этой информации имеют подчиненное значение. «В процессе оценки объект соотносится с потребностями и интересами в соответствии с представлениями оценивающего субъекта о ценностях, с системой его оценок, которые складываются в сознании как результат социального опыта»⁷. «Содержание судебской позиции, — пишет Л.М. Карнозова, — определяется назначением суда в обществе. И хотя споры о том, является ли суд органом борьбы с преступностью или его назначение — в обеспечении гарантии прав человека, не утихают, с точки зрения Конституции РФ и международных стандартов, назначение суда состоит в разрешении правовых споров, при этом ценностным ориентиром являются права человека»⁸.

Для перехода мыслительной деятельности судьи в практическое воплощение необходимо, чтобы эти образы совпадали. В случае если эти образы полностью «изоморфны» друг другу, т.е. фрагмент сознания адекватен фрагменту действительности, деятельность судьи предстает как предметная: убедившись в обоснованности ходатайства следователя,

судья удовлетворяет его, принимает решение. В этом случае в сознании судьи взаимодействуют главным образом такие формы познавательного отношения к действительности, как вера, знание и убеждение. Если же совпадение этих образов неполное, то указанным формам начинает противостоять сомнение, оно останавливает проективное мышление, но стимулирует критическое отношение к представленной информации. Несовпадение идеального образа ситуации и отображаемой действительности вызвано дефицитом информации о последней.

Проверяя законность и обоснованность ходатайства следователя, судья может осмысливать сообщаемую ему информацию в двух вариантах. Он может считать представленную информацию истинной на основе веры, полностью доверяя следователю или принимая ее на основе своих субъективных критериев. В другом варианте он может подвергнуть информацию сомнению и критически проверить ее достоверность и полноту.

1. Наличие веры в сознании судьи указывает на дефицит информации, необходимой для принятия обоснованного решения. В этих условиях дефицита информации появляется потребность в дополнительных мотивах деятельности, побудительной силе. Роль и функцию такого мотива берет на себя вера, понимаемая как «такое отношение к событиям, представлениям о реальной действительности, идеям, когда они принимаются за достоверные и истинные без доказательства»⁹. Вера подвигает судью на создание целостного образа ситуации, выполняет роль связующего звена между такими его элементами, как основание и обосновываемое при недостатке информации о первом. Функция веры как раз и состоит в домысливании недостающих оснований для принятия решения. Уверенность судьи в правильности принимаемого решения в этом случае не однозначно определяется его обоснованностью, а опирается и на какие-то иные основания, нередко совершенно не связанные с его обоснованностью. При этом следует различать два вида веры по основному источнику детерминации этого состояния сознания у судьи.

1.1. В первом виде вера в истинность заявленного в ходатайстве положения обусловлена доверием к авторитетности автора этого ходатайства (компетентность, профессионализм, личные качества следователя и т.д.)¹⁰. Ее можно назвать «конформистской», т.к. вера здесь не является результатом собственного творчества судьи, а имеет источником доверие к результатам творчества следователя, пассивное принятие его мнения. В этом случае судья даже не пытается беспристрастно оценить представленную информацию, подвергнуть сомнению истинность заявленного в ходатайстве положения. Подобная ситуация характерна для

случаев, когда судья, проверяя законность и обоснованность ходатайства, относится к своей роли и обязанностям формально, принимая решение ввиду одного лишь формального требования (ходатайства) органа расследования. Судья, не осознавая степень объективной обоснованности заявленного в ходатайстве положения, признает его истинным, исходя из внелогических факторов. Если решение принимается на веру, то степень уверенности судьи в правильности принимаемого решения зависит от таких трудноконтролируемых факторов, как степень доверия к источнику информации, личные склонности, интуиция и т.п. В этом случае значение «внешних» (т.е. не связанных с обоснованностью решения) факторов в выработке уверенности судьи становится решающим. Между тем и заявленный в ходатайстве тезис, и представленная в его обоснование информация могут являться заблуждением или намеренной ложью со стороны следователя. Судья, принимая решение ввиду одного лишь формального требования (ходатайства) следователя без критической проверки представленной в его обоснование информации, может стать «жертвой» обмана или полуправды и сделать жертвой «формализма» лицо, конституционные права которого ограничиваются принятым судебным решением.

«Хотя постановление судья принимает единолично, но на ход и исход судебного контроля, на формирование выводов и окончательного решения судьи оказывают влияние участники судебного-контрольного процесса»¹¹. Орган предварительного расследования, ходатайствующий о производстве процессуальных действий, обязан доказать его законность и обоснованность материалами, направленными в суд или дополнительно представленными. Учитывая, что в обоснование ходатайства представляются не материалы уголовного дела и тем более не все уголовное дело, а лишь копии соответствующих документов, подтверждающих законность и обоснованность ходатайства, следователь имеет возможность выбора содержания представляемой информации. Владея полной информацией, необходимой для принятия судьей правильного решения, следователь может выдавать ее дозированно, ограниченно, лишь с целью обоснования заявленного ходатайства, исходя из «деформированного» представления об интересах расследования, поэтому судье следует вникать в доказанность каждого факта, имеющего значение для принятия правильного решения, в том числе фактов, ставящих под сомнение необходимость и целесообразность производства указанных процессуальных действий. Например, следователь может представить в суд лишь ту информацию, которая обосновывает необходимость избрания ареста, и укрыть другую, свидетельствующую о возможности избрания иной,

менее суровой меры пресечения. Судья, чтобы не стать жертвой обмана, должен подвергать сомнению представленную ему информацию, по возможности критически ее анализировать, сопоставляя с интересами следствия и интересами лица, права которого затрагиваются судебным решением.

1.2. Во втором виде вера в истинность заявленного в ходатайстве положения, недостаточно объективно обоснованного или вовсе не обоснованного, является результатом субъективных критериев оценки судьи, принятием решения на основе субъективной обоснованности (ценностной составляющей внутреннего убеждения). Этот вид веры можно условно назвать «творческой», т.к. здесь положение не преподносится судье со стороны как заведомо истинное, а он сам решает вопрос о его истинности. При этом судья может по-разному переживать и осознавать этот вид веры. Он может адекватно осознавать, что принимает решение на основе веры, опираясь на его частичную обоснованность и свои субъективные установки. Точно так же судья может быть совершенно уверен, что принимает решение на основе достаточных оснований, а не веры. Хотя основания для принятия судом решения недостаточны, поэтому судья фактически находится в состоянии веры, а не знания по отношению к этому решению. В отличие от конформистской, творческая вера в истинность заявленного в ходатайстве положения постоянно взаимодействует в сознании судьи с сомнением. Судья, оценивая представленную следователем информацию, действует с готовностью ее критического рассмотрения, стремлением к ее беспристрастной оценке.

2. Если благодаря «творческой» вере в истинность заявленного в ходатайстве положения судья ориентирует свое воображение на создание целостного образа ситуации, домысливает недостающие основания для принятия решения, то, находясь в состоянии сомнения, он осуществляет обратную связь в творческом процессе, останавливает созидательную работу мышления и направляет его на критическую проверку созданного. Благодаря сомнению выясняется объективная обоснованность заявленного в ходатайстве положения посредством его соотнесения с имеющейся доказательственной информацией. «В судебном процессе судья должен методологически исходить из позиции сомнения, от которой он может отойти только тогда, когда достигнет разумной убежденности в отношении предмета рассмотрения. Следовательно, он должен критически подходить к источникам доказательств, к возможно используемому опыту, к качеству данных. Но также и к своему собственному восприятию»¹².

Судья, не располагая всей полнотой информации, необходимой для обоснования ходатайства, находясь в состоянии «творческой» веры, не обладает полной уверенностью в истинности заявленного в ходатайстве положения. Где-то в уголках сознания таится частица сомнения, которая заставляет его проверять обоснованность этого ходатайства. Эта частица будет расти по мере роста объективной неподтверждаемости ходатайства и вытеснять веру в сознании судьи. Сомнение будет усиливаться в связи с выяснением данных, обосновывающих противоположное положение — отсутствие оснований для производства процессуальных действий.

По сути, сомнение в сознании судьи порождается осознанием противоречивости оценочной ситуации — конфликта между личностью и властью. Каждая из сторон такого рода процессуально-правового конфликта имеет свои интересы. В частности, обвиняемый (подозреваемый) заинтересован в том, чтобы устранить необоснованное ограничение свободы и неприкосновенность его личности, жилища и др. Обращаясь с ходатайством в суд, следовательно исходит из публично-правовых интересов, которые могут оправдать правовые ограничения прав и свобод личности.

Сомнение вносит в сознание судьи размышление по поводу целесообразности избрания ареста и производства следственных действий, соответствия указанных мер целям их производства и цели обеспечения защиты личности в уголовном процессе, ее прав и свобод. «При выборе решений по вопросам, затрагивающим неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки граждан, важное значение имеет сознание следователем, судьей таких моральных ценностей, как честь и достоинство человека, его доброе имя, бережное отношение к человеку и его семье. Допустимая по закону мера пресечения или иная мера принуждения может оказаться морально неприемлемой, если она угрожает обвиняемому или его семье»¹³. В ситуации выбора (применить или не применить меру пресечения, разрешить или отказать в производстве следственного действия) судья постоянно обращается то к вере, то к сомнению, используя их попеременно для нахождения правильного решения. В результате анализа ходатайства следователя и представленной в его обоснование информации у судьи может возникнуть недоверие к следователю, появиться потребность в выяснении причин неполноты представленной доказательственной информации.

Очевидно, что выход из состояния сомнения, порожденного осознанием противоречивости оценочной ситуации, возможен двумя путями, выражающимися в окончательных решениях судьи.

2.1. Первый путь — это путь действия, принятия решения об избрании ареста или производстве следственных действий. В этом случае судья оценивает представленные доказательства, и если они достаточны для принятия решения, то в его сознании осуществляется переход из состояния веры в истинность заявленного в ходатайстве положения через сомнение в знание этой истинности. Данный переход происходит постепенно по мере осознания судьей объективной обоснованности ходатайства. Осознание идеи при прохождении представленной в обоснование ходатайства информации проверки на предмет не только полноты, но и достоверности. Если после прохождения проверки доказана полнота и достоверность представленной информации и истинность заявленного в ходатайстве положения, то оно становится знанием. С получением знания проблемная ситуация считается разрешенной, и судья принимает решение об удовлетворении ходатайства органов расследования. Уверенность судьи в правильности принимаемого решения в этом случае однозначно определяется обоснованностью и законностью заявленного ходатайства. Для судьи осознавшего это знание, оно стало убеждением, так как в процессе восприятия и осознания информации участвовали его мировоззренческие и профессиональные установки, его ценностные ориентации, его воля, эмоции и чувства. Знание дает убеждению ясность и четкость выражения, обоснованность и тем самым преодолевает его субъективность. «Убеждение как процесс предполагает формирование собственного взгляда на обстоятельства исследуемого события («самоубеждение»). В этом процессе субъект неизбежно сталкивается с целым рядом эмоциональных состояний: переживанием, сомнением и т.д. В преодолении сомнений и заключается в значительной степени процесс самоубеждения»¹⁴. «Убеждение приходит как итог преодоления и разрешения сомнений, продукт разумно-критического исследования»¹⁵. Следует подчеркнуть, что знание и вера как состояние сознания судьи в отношении заявленного в ходатайстве положения необходимы, но еще недостаточны для деятельности, принятия решения. Чтобы действовать, принять решение судья должен подключить волю на весь процесс деятельности. Можно знать или верить, как действовать, и бездействовать из-за отсутствия волевой готовности для совершения деятельности. Воля объединяет информационное содержание положения с ценностными ориентирами, эмоциями и чувствами судьи в единое целое, в готовность действовать, в убеждение. «Именно убеждение, чувство уверенности в правильности своих выводов о тех или иных фактах объективной действительности побуждает лицо действовать определенным образом и отстаивать свои убеждения»¹⁶.

2.2. Возможен и другой путь, при котором судья делает вывод о неразрешимости ситуации при наличной доказательственной информации и таким образом выходит из состояния сомнения. В этом случае объективная обоснованность ходатайства не подтверждается. В случае обращения следователя с ходатайством в суд о производстве следственного действия, обоснованность которого не подтверждается, судья принимает окончательное решение об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа. В случае избрания ареста судья по результатам рассмотрения ходатайства может также принять решение об отказе в удовлетворении ходатайства как необоснованного либо отложить принятие решение для предоставления следователем дополнительных доказательств обоснованности ареста. Здесь представленная следователем информация не выдерживает критического рассмотрения, но судья, опираясь на свои субъективные установки, верит в истинность заявленного в ходатайстве положения. Вера вдохновляет судью на поиск дополнительных оснований для принятия решений, а поэтому по ходатайству следователя судья может отложить принятие решения об аресте для предоставления дополнительных доказательств его обоснованности. Сомнение заставляет судью вновь критически рассмотреть дополнительную информацию на предмет ее полноты и достоверности, и если обоснованность ходатайства и на этот раз не подтвердилась, то он выносит решение об отказе в его удовлетворении.

Таким образом, убеждение судьи в правильности принимаемого решения о необходимости избрания ареста или производстве следственных действий может основываться как на вере, так и на знании.

Наличие веры в сознании судьи указывает на дефицит информации, необходимой для принятия обоснованного решения. Функция веры как раз и состоит в домысливании недостающих оснований для принятия решения. Уверенность судьи в правильности принимаемого решения в этом случае не однозначно определяется его обоснованностью, а опирается и на какие-то иные, трудноконтролируемые факторы, как то: степень доверия к автору ходатайства, личные склонности, интуиция и т.п. Такие факторы открывают широкие возможности как для удовлетворения судьей ходатайства при отсутствии к этому достаточных оснований, так и для отказа в удовлетворении обоснованного и законного ходатайства органов расследования. Роль этих факторов в выработке уверенности судьи становится решающей, если судья, проверяя законность и обоснованность ходатайства, относится к своей роли и обязанностям формально, принимая решение ввиду одного лишь формального требования (ходатайства) органа расследования.

Внутреннее убеждение судьи в обоснованности принимаемого решения есть результат осознания судьей этой обоснованности. Осознание осуществляется при прохождении представленной в обоснование ходатайства информации проверки на предмет не только полноты, но и достоверности. Уверенность судьи в правильности принимаемого решения в этом случае однозначно определяется обоснованностью и законностью заявленного ходатайства.

Примечания

¹ Резник, Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. – М.: Юрид. лит., 1977. – С. 62.

² Речь идет не о всякой познавательной деятельности. Как известно, получение новых знаний возможно двумя путями. В одних отраслях знаний процесс познания движется по строго заданному алгоритму, формуле. Формализованный путь познания исключает или сводит на нет ошибки, элиминирует субъективный фактор. Однако это возможно лишь в тех отраслях знаний, где возникновение, развитие, изменение предмета познания подчинено строгим закономерностям, а поэтому можно создать универсальный алгоритм познания, пригодный для любого случая. Создать универсальный алгоритм познания, пригодный для всех случаев доказывания по уголовному делу, невозможно. Каждое дело уникально и неповторимо. Единственный метод познания, позволяющий учесть уникальность случая и обеспечить надежность полученных знаний – это метод свободной оценки доказательств, метод внутреннего убеждения.

³ См.: Резник, Г.М. Указ. соч. – С. 61– 62.; Lupinskaya, P.A. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. – М.: Юрид. лит., 1976. – С. 96–99.

⁴ На логическом аспекте внутреннего убеждения следует остановиться и дать некоторое разъяснение. Когда речь идет об этом аспекте внутреннего убеждения, как правило, имеют в виду обоснованность или необоснованность решения, наличие у субъекта оснований считать его доказанным или недоказанным. Однако при тщательном рассмотрении можно увидеть, что речь идет не просто о наличии у субъекта информации о той или иной степени обоснованности процессуального решения, а об овладении ею. В зависимости от различной степени осознанности обоснованность одного и того же решения может быть различной для разных субъектов. Необходимость осознания субъектом обоснованности решения специально подчеркивает П.А. Лупинская: «Неправильная оценка доказательств может быть результатом неумения правильно понять и оценить информацию. Так, следовательно (судья), не обладающий специальными знаниями, не прилагает в ряде случаев усилий к тому, чтобы разобраться в заключении эксперта и оценить его в соответствии со ст. 17 Основ, а принимает заключение эксперта на веру; субъективное мнение эксперта, а в некоторых случаях даже его вероятный вывод подменяет убеждение

лица, принимающего решение». (Лупинская, П.А. Указ. соч. — С. 67.) Из этого примера видно, что если следователь (судья) обосновывает свое решение заключением эксперта, понимая изложенное в нем мнение, но не вникая при этом в исследовательскую часть заключения, то вряд ли можно говорить об осознании следователем обоснованности процессуального решения. Уверенность субъекта в правильности решения опирается в этом случае не на экспертное заключение, а на степень его доверия к эксперту. При этом уверенность субъекта может колебаться от доверия к недоверию, что открывает широкие возможности для принятия или отказа в принятии процессуальных решений.

⁵Лупинская, П.А. Указ. соч. — С. 101.

⁶Ценностные установки проявляются в правильном понимании лицом, принимающим решение, своих функций в процессе функций и других государственных органов, и должностных лиц. Осуществляемая судом функция правосудия отделена от функций спорящих перед судом сторон, и поэтому он не может принимать на себя выполнение их целевых функций.

⁷Шитов, М.А. Оценочная деятельность следователя в процессе доказывания.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: защищена 26.06.03: утв: 28.07.03 / Шитов Михаил Александрович. — Краснодар, 2003. — С. 31.

⁸Карнозова, Л.М. Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе: учеб. пособие / Л. М. Карнозова. — М.: Проспект, 2004. — С. 41.

⁹Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Корблева, В.А. Лутченко. — М.: ИНФРА — М., 2000. — С. 143.

¹⁰Л.М. Карнозова считает, что такое доверие судьи (по сути — это есть пристрастная оценка судьей позиций сторон) к позиции органов расследования психологически обоснованно фактической презумпцией профессионализма тех, кто занимался расследованием, а также тем обстоятельством, что в представленном ходатайстве факты уже «упакованы», опредмечены — представлены в интерпретации, соответствующей позиции органов расследования. См.: Карнозова, Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления / Л.М. Карнозова. — М.: NOTA BENE, 2000. — С. 155-159.

¹¹Колоколов, Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования / Н.А. Колоколов. — М.: ЮНИТИ — ДАНА, Закон и право, 2004. — С. 90.

¹²Ибаньес, П.А. К вопросу о позитивной этике судьи / П.А. Ибаньес // Этика судьи: пособие для судей / под ред. Н.В. Радутной. — М.: Российская Академия правосудия, 2002. — С. 183 - 184.

¹³Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. / П. А. Лупинская. — М. 1976. С. — 141.

¹⁴Шитов, М.А. Указ. соч. — С. 62.

¹⁵Мурадян, Э.М. Истина как проблема судебного права / Мурадян Э.М. — М.: Юрист, 2004. — С. 273.

¹⁶Лупинская, П.А. Указ. соч. — С. 67.